

торых были торжественность и массовость. Генетически восходя к формам классовой борьбы, митинг и демонстрация приобрели в новых праздниках ритуальное значение, подчеркивая гражданский характер торжеств и их связь с революционной борьбой.

Широко представленная в газетах 1918 г. информация о различных стадиях разработки праздничного ритуала 1 Мая и особенно годовщины Октября (дающая возможность сопоставить планируемое и осуществленное), а также многочисленные описания торжеств, проходивших в разных городах, уездах, волостях и отдельных селах, позволяют утверждать, что в создании ритуалов «красного календаря» активно участвовало все трудовое население Советской России, ставшее на сторону Советской власти. В конечном итоге именно оно и было главным действующим лицом и творцом новых праздников, рожденных Великой Октябрьской Социалистической революцией.

«Красный календарь», сложившийся в первый год революции, был узаконен в декабре 1918 г.⁶⁰ «Правилами об еженедельном отдыхе и о праздничных днях» (Приложение к ст. 104 «Кодекса законов о труде») в соответствии с декретом об отделении церкви от государства были установлены новые государственные праздники, «посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях»: 1 января — Новый год, 22 января — день 9-го января 1905 г., 12 марта — день низвержения самодержавия, 18 марта — день Парижской коммуны, 1 Мая — день Интернационала и 7 Ноября — день пролетарской революции⁶¹.

⁶⁰ Вызывает недоумение утверждение А. И. Мазеева (Указ. раб. С. 235—236) о введении новых («памятные дни великих событий революционной борьбы трудящихся России и всего мира») и отмене «религиозных и старорежимных» праздников декретом «О введении в Российской республике западноевропейского календаря», принятым 24 янв. (6 фев.) 1918 г. В этом декрете вопрос о праздниках не затрагивался даже косвенно (см.: Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г.—16 марта 1918 г. М., 1957. Т. 1. С. 404—405). Нет достаточной четкости в освещении хронологии раннего этапа «красного календаря» и в работе Л. А. Тульцевой (Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. С. 19—20).

⁶¹ Декреты Советской власти. 10 ноября 1918 г.—31 марта 1919 г. М., 1968. Т. IV. С. 190.

О. Р. Будина, М. Н. Шмелева

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время внимание исследователей в разных областях гуманитарных знаний все более обращается к вопросам культурной преемственности, ее особенностям и роли в развитии общества. В этнографической науке особое значение при этом приобретает многоплановое, дифференцированное изучение этнокультурной традиции. В последние годы, как известно, на страницах журнала «Советская этнография» состоялись дискуссии, был опубликован целый ряд статей, которые способствуют уяснению механизма функционирования и трансформации традиций. Продолжая эту тему, мы хотим остановиться на вопросах, связанных с характеристикой исторически сложившейся этнокультурной ситуации и ее оценкой. По существу это специальная проблема, которую, на наш взгляд, можно назвать проблемой традиционности.

Конкретный анализ культурно-бытового опыта и постоянно возникающих ситуаций, естественно, может быть осуществлен на материале разного времени и разных этнических или социальных сред. Поставить эту проблему применительно к современному русскому городу нас побудило

сложившееся на основании всех предшествующих исследований определенное представление о соотношении культурных явлений, входящих в современный фонд бытовой культуры. При этом необходимо иметь в виду, что генетическая общность таких структурных единиц общества, как город и село, и неизбежные взаимодействие и взаимообмен в пределах их культурного фонда дают основания подходить к бытовой культуре городского и сельского населения как к вариантам национальной бытовой культуры¹.

Известно, что в современном фонде бытовой культуры содержатся как унифицированные неэтнические компоненты, так и этнические, имеющие разное происхождение и разные ареалы. Для городского варианта бытовой культуры в особенности характерна, как мы убедились, большая насыщенность этнически не маркированными явлениями. Вместе с тем он непременно включает культурные формы, в которых реализуется этническая специфика культуры. Традиционные комплексы, свойственные культуре того или иного народа, часто бывают очень активными, они перерабатывают, приспособливают, иногда как бы ассимилируют стандартизованные и «чужеродные» элементы.

Проблема традиционности, в целом многоплановая и очень обширная, предполагает сопоставительный характер анализа². Она может решаться, как нам кажется, на данном этапе прежде всего при рассмотрении следующих предварительных вопросов. Это, во-первых, распространенность, или степень бытования тех или иных традиционных явлений, и, во-вторых, состояние самого этнографического явления.

Степень бытования, распространенность,— известная этнографическая категория, которая обычно используется для сопоставления как своего рода количественная мера функционирования бытовой культуры. Что касается состояния этнографических явлений, или реалий, то здесь предполагается определение прежде всего их содержательной стороны, которая обнаруживается путем сравнения со стереотипом, типовой моделью, принятой в каждом отдельном случае за отправную точку отсчета.

Обращаясь к традиции как необходимому условию трансмиссии и функционирования культуры, можно заметить, что, находясь в постоянном движении, она поддерживает более или менее длительное существование этнокультурных явлений, вызывает их повторение в различных вариантах в зависимости от подвижных, изменяющихся условий³.

Реализация традиции в современной бытовой культуре приобретает разное выражение, что свидетельствует о различном ее состоянии. Такие состояния непременно имеют временной и пространственный параметры. В определенный исторический момент традиция существует, занимая тот или иной ареал, либо отсутствует в рассматриваемых границах. Сравнение конкретных культурно-бытовых ситуаций может показать изменения, происходящие в традиции и культуре. В целом подобные изменения могут касаться не только факта существования традиции и определенного увеличивающегося или уменьшающегося ее ареала, но и содержательной стороны. Так, реализованная в культурном явлении традиция может остаться более или менее полной, если можно так сказать, интенсивной по сравнению со взятой в качестве отправной точки моделью. Когда традицию изображают графически, это обозначается в виде пучка неодинаковой плотности информационных связей⁴.

В разных областях (сферах, участках) бытовой культуры состояние

¹ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // Сов. этнография (далее — СЭ). 1982, № 6. С. 27—28.

² Такой анализ проведен авторами в подготовленной к печати монографии, посвященной развитию и функционированию этнических традиций в современном русском городе.

³ См. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 111, 118, 119 и др.

⁴ См., например, Куббель Л. Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // СЭ, 1985. № 6.

традиции и бытование ее компонентов имеют разное выражение. Это связано как с неодинаковой природой самих сфер, в которых реализуется традиция, так и с факторами, преимущественно действующими в той либо иной области культуры. От совокупности всех этих условий в конечном итоге зависят характер и степень, или уровень, традиционности определенной среды.

Мы специально остановимся на различных по своей природе участках бытовой культуры, чтобы показать, каково «поведение» традиции в каждом из них. В свою очередь это даст возможность сопоставить их между собой, чтобы выявить степень традиционности.

Из материальной культуры мы выбрали для рассмотрения поселенческо-жилищный комплекс. Хотя вся область материального быта характеризуется тем, что служит удовлетворению первейших потребностей людей (на чем во многом и основывается ее условное единство), каждый из компонентов материальной культуры обладает только ему присущими свойствами. В равной мере жизненно необходимые для человека элементы материального быта существенно различаются между собой по формам развития и особенностям функционирования. И если некоторым элементам свойственны изменчивость и быстрая сменяемость, то специфика поселений и жилища заключается как раз в долговременности их существования. Представляя собой вещественное воплощение культурных традиций разных эпох — как настоящего, так и прошлого (иногда далекого прошлого), — они оказываются включенными в культурно-бытовую систему жизни нескольких (а порой многих) поколений людей. Не случайно поэтому поселения и жилища, будучи элементами материальной культуры, обычно насыщены информацией социального порядка, что также составляет их особенность. Нужно сказать также, что городской поселенческо-жилищный комплекс представляет собой более сложное явление, чем сельский вариант этой области культуры (что во многом связано с большей, по сравнению с сельской, капиталностью в застройке городов и лучшей сохранностью там материальных памятников). В городских условиях, как правило, наблюдается и больший диапазон сочетания культурных форм и их функционирования.

При выявлении содержательной стороны традиции в современном поселенческо-жилищном комплексе русских городов мы будем ориентироваться на слой традиционной культуры второй половины XIX — начала XX в. и соответственно на бытующие в нем стереотипы. Естественно, мы имеем в виду, что целый ряд типовых моделей этого периода формировался значительно раньше и на протяжении длительного времени. Однако в данном случае исходить мы будем из того, что в указанный период эти модели реализовывались в культурном явлении в полном своем объеме, составляя неотъемлемое достояние традиционной русской культуры. Здесь уместно заметить, что, говоря о традициях русского народа, в частности в области поселений и жилища, мы не считаем эти традиции исключительной принадлежностью бытовой культуры русских. Традиции, при формировании которых важное место принадлежит физико-географическим условиям, могут иметь (и имеют, как правило) более широкий, чем в других случаях, ареал и более восприимчивы к иноэтническим воздействиям. Вместе с тем на определенном отрезке времени традиции поселенческо-жилищного комплекса входят в систему ценностных ориентаций именно русского народа, что и является определяющим моментом при их квалификации.

В рамках журнальной статьи нет возможности привести анализ, который был проделан для выявления форм реализации типовых представлений о поселении и жилище в современности. Поэтому мы даем лишь некоторые итоги, полученные в ходе рассмотрения этой проблемы на материале Центрального района РСФСР. Оно велось в двух временных срезах (конец XIX — начало XX в. и 1980-е годы) при систематическом сопоставлении сельского и городского вариантов культуры. Критериями для систематики этнографических данных нам послужили результаты обобщений, сделанные в известных трудах по русским поселениям

и жилищу⁵. Жилище (более исследованная сфера) рассматривалось согласно его типобразующим признакам (материал, конструктивные особенности, планировка жилого помещения, связь с хозяйственными постройками), с ориентацией на выделенные типы русского народного домостроительства. При анализе же поселений мы опирались прежде всего на наиболее важные для этнографической классификации этого элемента признаки: расположение поселения на местности, его планировка, особенности расселения жителей.

В целом можно сказать, что традиции поселенческо-жилищного комплекса, реализующиеся в современном русском городе, значительно различаются по своему состоянию. Их содержательная сторона, интенсивность неодинаковы в различных группах явлений этого участка культуры. Наибольшая полнота традиции обнаруживается на уровне общего типа, модели традиционной народной культуры. В качестве примера можно привести прибрежный тип заселения. Все города Центральной России, несмотря на их разрастание и изменение соотношения частей, расположены, как и сельские поселения в этих краях, по берегам рек и озер. В свою очередь бытование различных типов традиционной планировки (радиальная, кольцевая, квартальная, уличная) определяет, как правило, современную структуру городских поселений, а центр города неизменно выделяется при функциональном распределении городского пространства. В жилом фонде городов рассматриваемой зоны, наряду с домами новых конструкций, существенное место занимают деревянные постройки, выполненные в типичной для русского бревенчатого жилища срубной технике.

Формирование традиций, лежащих в основе указанных явлений, отнесется, как правило, к отдаленному прошлому и в ряде случаев характеризует в целом культуру восточнославянских народов (естественно, это не исключает, как мы отмечали, и более широкого ареала этих явлений)⁶.

Будучи типобразующими, многие традиционные особенности поселений и жилища предстают в XIX — начале XX в. и в наши дни в неоднородных вариантах и специфическом соотношении в сельской и городской среде. Так, в некоторых особенностях городского жилища нам удавалось уловить даже локальные черты, свойственные крестьянскому строительству. Например, в городах Костромской области, относящейся к северной части исследованной зоны, и прежде, и теперь для сооружения стен и кровли в большей мере, чем в других районах, используются древесные материалы. Вместе с тем целый ряд других особенностей выступает в наиболее общих для русского народного жилища формах. Например, бытование русской печи, использование традиционных видов сруба и т. д.

О стойкости традиционного стереотипа жилища говорит не только наличие деревянного зодчества в русских городах (в особенности в средних и малых), но и дальнейшее развитие ряда его особенностей. Это относится к эволюции внутреннего устройства срубного дома и особенно заметно в его наружном декорировании. Резьба, которая украшает современный городской деревянный дом, является непременным элементом русского народного жилища в зоне распространения бревенчатого строи-

⁵ См.: Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения)//Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXXI). М., 1956; Витов М. В. О классификации поселений//СЭ, 1953. № 3; его же. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища (классификация типов застройки усадьбы)//Вестн. МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 4; Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.). М., 1967 (текст и карты); Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в. М., 1970; Чижикова Л. Н. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации//СЭ 1975. № 4; и другие более частные работы.

⁶ См. также: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Указ. раб. С. 33.

тельства⁷. Она традиционно украшает определенные детали дома: наличники, фронтоны, крыльца, светелки. При этом в орнаментике, используемой в декоре городского дома, преобладают те же мотивы и сюжеты, что и в сельском доме, а технические приемы выполнения резьбы также сходны.

Изменение содержательной стороны традиции или сокращение ее «плотности» можно увидеть в обширной группе явлений. Это и разнообразные варианты «замещения», возникающие при реализации типовой модели в современности, и намеренное включение традиционных элементов в новую культурно-бытовую модель, а также отдельные, разрозненные детали или черты прежнего стереотипа, бытующие на фоне унифицированных реалий. Все это свидетельствует о той или иной мере трансформации некогда «полной» традиции, стереотипного представления.

В качестве примера можно привести формирование во многих городах второго, «нового» центра, который делит со «старым» функции прежде единого городского центра. Микрорайоны, новый тип свободной планировки городского пространства, включают в себя, как правило, и элемент уличной застройки — традиционного способа планировки. С другой стороны, следует отметить, что среди различных типов планировки, которые так или иначе сочетаются в городах, нам встречалась даже рядовая застройка, генетически связанная с ранними формами организации русских поселений.

Весьма выразителен, на наш взгляд, факт «сокращения» традиции, заключающийся в замене традиционного строительного материала при реализации типовой модели связи (соединения) жилых и хозяйственных построек. Во Владимирской области (города Вязники, Гороховец) мы наблюдали, например, как дом и двор, объединенные по типу «слитной» (или скрытой) связи, полностью или частично сооружались не из бревен, как принято в традиционном жилище, а из кирпича. В свою очередь бытование русской печи, отмеченное в городских домах традиционного типа, в наши дни функционально ограничено наличием других видов отопления и агрегатов для приготовления пищи и обогрева (газ, водяное отопление). Следует отметить, что ограничение функции влечет за собой изменение местоположения печи в деревянном доме и нарушение такого важного признака в системе традиционного жилища, как тип его внутренней планировки. Заметим, что северно-среднерусский тип внутренней планировки в городах (характерный и для крестьянского жилища рассматриваемой зоны) в конце XIX — начале XX в. был распространен в большей мере, чем в настоящее время. Кроме того, как прежде, так и теперь имеет место такая организация жилого пространства, когда комплекс признаков северно-среднерусского типа обнаруживается в пределах одного помещения (а не всего дома) либо встречается в сокращенном виде.

Особое внимание обращают на себя те случаи, когда состояние традиции настолько неполно или малоинтенсивно, по сравнению с взятым в качестве модели стереотипом, что позволяет выделить лишь отдельные черты, напоминающие о прошлом типовом явлении, или даже говорить об изменении характера материализации традиции. Это, например, такие разрозненные фрагменты традиционного поселенческо-жилищного комплекса, существующие на фоне современного урбанизированного поселения, как колодец на улице, или мостки на реке для полоскания белья в пределах городской черты, либо деревянные ворота — важная композиционная деталь традиционной усадьбы, а иногда мостовая из дерева (например, Костромская обл., г. Солигалич) — элемент городского благоустройства в прошлом. Это и некоторые топонимы, например: характерное для старого города компактное расселение социально-профессиональных групп, оставившее следы в названиях улиц, переулков, иногда целых частей города. Об этом же свидетельствуют и прежние городские

⁷ *Рождественская С. Б.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981.

укрепления, которые превратились ныне в бульвары для прогулок, хотя и называются до сих пор нередко «валами» и «осыпями».

Рассматривая вопрос о степени бытования тех или иных явлений поселенческо-жилищного комплекса, мы обращались к данным о функционировании существующей застройки и современной планировке городов. В отношении жилища оказалось плодотворным использование понятия «массовое жилище», т. е. жилище основных групп городского населения. Анализ показал, что если в конце XIX — начале XX в. массовое жилище в русском городе строилось в основном согласно традициям народного зодчества, то для послеоктябрьского периода характерно ограничение бытования в городе образцов традиционного народного жилища. Традиционное жилище в наши дни стало лишь одним из типов (обычно не доминирующим) массового жилища горожан. Значительную часть жилого фонда в современном русском городе составляют многоквартирные дома нетрадиционных конструкций. О соотношении традиционного и нетрадиционного компонентов в современном жилище более точно позволило судить сопоставление домов разных типов не только по их численности, но и в связи с площадью, которой они располагают. В данном случае это послужило известной мерой функционирования жилища, определяющей его место в системе бытовой культуры народа.

Обращаясь к области семейного быта, связанной почти со всеми сторонами человеческой жизнедеятельности, отметим, что для нее в особенности характерна большая неоднородность традиций, многообразие их «поведения». Семью, ее повседневный бытовой уклад в этнографических исследованиях принято рассматривать как одну из сфер народной жизни, обладающую наиболее устойчивым этническим своеобразием. Именно в семейном быту, в интимном, закрытом от постороннего взгляда и закреплённом обычаем порядке повседневного существования и поведения, который сохраняется в семейно-родственной среде из поколения в поколение, этнографы не без основания ведут поиск причин сравнительной устойчивости многих традиций, поддерживающих территориальное и временное единство людей в пределах их этнической принадлежности.

Вместе с тем семья, по своей социальной природе сопряженная с обществом многочисленными разнообразными связями, так или иначе отражает изменения, происходящие в обществе и, пожалуй, не менее, а иногда и более непосредственно, чем другие области культуры и быта, бывает подвержена изменениям сама со всеми своими взаимоотношениями и исторически сложившимися установлениями.

По отношению к обществу семья выступает в двух функциях. Как социальный институт, обладающий определенной суммой правовых норм, она в известной мере автономна в своем укладе и во многом должна определять поведение своих членов дома и в обществе. Как малая социально-психологическая группа особого рода (основанная на родстве), члены которой связаны с обществом не только через нее, но и напрямую — каждый сам по себе, семья допускает или вынуждена допускать известную самостоятельность мнений и поступков своих членов и сама открыта влиянию общества через эти связи. Отсюда та двойственность, а вернее — то диалектическое единство стойкости и изменчивости традиций, которое господствует в современном семейном быту.

Особенно заметно эта сложность механизма традиции сказывается в современной городской семье. В городе быстрее проходят эволюционные процессы, стимулируемые урбанизацией и культурным развитием, и в то же время традиции здесь не только сохраняются, но и постоянно поддерживаются, в частности, в результате оживленной миграции населения из села в город и стабильных тесных связей большей части городского населения с селом.

На развитие такого сложного феномена, как семья, оказывает влияние множество факторов. Но, как показывают исследования, наиболее сильными и «влиятельными», непосредственно воздействующими на семейно-бытовую сферу, являются социальные факторы. Известно, что социально-экономические и идеологические изменения, произошедшие

после Октябрьской революции, привели и к сложению новой по своей социальной сущности семьи. Решающими моментами оказались отмена частной собственности на средства производства, уравнивание в общественных правах женщины с мужчиной и участие ее в общественном производстве. Природа семьи такова, что закономерности ее развития и роль традиций определяются прежде всего социально-экономическими и идеологическими основами, присущими той исторической формации, в которой она существует⁸.

Изучение культуры и быта современного русского городского населения Центрального района РСФСР с точки зрения формирования, функционирования и трансмиссии традиций показывает, что традиционность в семейно-бытовой сфере в настоящее время заключается вовсе не в сохранении типов семьи, имевших распространение среди горожан прежде, скажем в предреволюционные годы. Современная семья отличается от старой своей экономической основой, порядком наследования имущества, иным положением женщины, демократическим характером семейного строя и многими вытекающими отсюда последствиями. Однако дело обстоит не столь просто, как кажется. Установлено, что в основу развития главных особенностей современной городской семьи (а вслед за ней и крестьянской) легли позитивные, по нашей оценке, традиции, зародившиеся еще в капиталистический период в среде передовых промышленных рабочих⁹. Современную семью в известном смысле можно считать традиционной. Унаследовала она, естественно, от прошлого и традиции иных слоев городского населения, формировавшиеся в разное время; проявления их разнообразны и порою противоречивы.

Такое впечатление создается в результате присущей традиции двузначности (стойкости, стабильности и большой подвижности, вариативности), благодаря которой и обеспечивается сохранность национальной (этнической, региональной, локальной) специфики этнокультурных явлений в их развитии.

Проявление подобной мнимой противоречивости можно наблюдать в развитии центробежной и центростремительной тенденций в современной городской семье. Развитие центробежной тенденции, при которой происходили уменьшение семьи и упрощение ее состава, началось давно и имеет уже свою историю¹⁰, хотя никогда еще не принимало таких размеров, как теперь. Казалось бы, такое развитие приведет семью к изоляции от родственников, если не к деструкции, то к обеднению ее связей. Однако, как показывают исследования, одним из результатов стремительного развития в наши дни процесса разукрупнения и становления нуклеарной семьи как ведущей ее формы несколько неожиданно явились усиление и расширение традиционных, правда, трансформированных по своему характеру, связей между близкородственными семьями. Эти связи как бы компенсируют утрату отдельных звеньев внутренних связей семьи.

Изменение в современных условиях давно установившегося порядка общения семьи с ближайшими родственниками способствует сохранению взаимоотношений, характерных для широко распространенной у русских горожан (да и крестьян) семьи в три поколения, включающей супругов с их родителями и детьми. С помощью этих межсемейных связей в настоящее время происходит как бы актуализация традиционного стереотипа семьи, как можно предположить, наиболее свойственного русским.

Внешние традиционные связи городской семьи (родственные, соседские, земляческие, производственные и др.), несмотря на рост материально-хозяйственной и духовной независимости ее, в настоящее время не потеряли своего значения и выполняют в быту свойственные им роли,

⁸ См.: Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. С. 28.

⁹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974. С. 168.

¹⁰ См.: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР, 1981. № 3. С. 78—96; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 180; и др.

дополняя друг друга. Характер проявления их в современном городе определяется в значительной мере реальными условиями жизни городов, их социально-экономическим и культурным статусом, а также особенностями формирования населения и жилищно-поселенческого комплекса. За годы социалистического строительства в содержательной части, да и в характере функционирования этих связей, особенно родственных и соседских, появилось много нового по сравнению с прошлым. Тем не менее они в целом поддерживают традиционную основу бытового общения семьи современного городского населения, издавна сложившуюся у русских. Здесь также происходит реализация привычного традиционного представления о как бы обязательных семейных связях, полностью определяющих образ жизни горожан. И все же, конечно, современные семьи строят не по традиционной модели, так как под влиянием изменившихся условий в процессе передачи традиций из поколения в поколение изменились и формы ее реализации. Так, например, ставшее необязательным соблюдение принципа иерархии, на котором прежде строились эти связи, особенно родственные, сменила избирательность, основанная на близости интересов.

Наряду с этим в некоторых случаях традиции выражаются в сохранении более или менее неизменной формы того или иного семейно-бытового явления, тогда как содержание его сильно изменилось. Порою эти явления как некие элементы старой модели семьи как бы «выпадают» из схемы современной семьи, но в действительности поддерживают в ней известный уровень традиционности. Примером может служить представление о необходимости главенства в семье, которое стойко удерживается в быту подавляющего большинства городских семей, тогда как в само традиционное понятие «глава семьи» с течением времени стал вкладываться иной, чем прежде, и зачастую разный смысл. Да и характер главенства сильно изменился. Теперь речь идет скорее о лидерстве в семье, о роли в ней организатора, а не о главенстве в том смысле слова, в каком оно понималось в контексте старого быта.

Так же можно рассматривать традицию наследственной преемственности профессии в семье, изменившуюся по сравнению с дооктябрьским периодом и по содержанию, и по форме. Для города она имела большое значение, особенно в среде «мастеровых», ремесленников, торговцев, где была одним из важнейших моментов социализации подрастающих поколений горожан. В настоящее время изменились общие условия жизни горожан, сами производства, содержание профессий, а старая традиция в измененном виде оказывает влияние на развитие современных профессиональных занятий горожан и профессиональную ориентацию молодежи.

В современной семейно-бытовой сфере русских горожан есть и такие традиции, которые, сохраняя свою ценность в представлениях людей, удерживаются в быту, несмотря на неблагоприятные для них объективные условия. К ним можно отнести, например, обычай ежедневно собираться всей семьей за обеденным столом, чтобы совместно за беседой провести главную трапезу дня. В настоящее время этот обычай в силу различных причин удается соблюсти далеко не всегда, но стереотип его прочно укрепился в сознании горожан, видящих в нем, вероятно, выражение «сущности» семейной жизни.

В быту городских семей встречается и множество отдельных традиционных черт, вкрапленных в «контекст» современной жизни как бы почти не затронутых временем, мало измененных, силой впечатления при встрече с ними переносящих нас в прошлое. Назовем среди них, например, обычай «глядеть свадьбу», особенно в малых городах, и поведение посторонних «глядельщиков» на свадьбе, содержание некоторыми горожанами квартирантов на пансионе, прием горожанами земляков из деревни и др.

В целом для традиционности в семейно-бытовой сфере русских городов в настоящее время характерны активность и многообразие происходящих трансформаций. Помимо закрепления в быту новых обычаев,

становящихся традиционными, происходит интенсивный отбор старых, в которые вносится новое, необходимое для их дальнейшего функционирования в современных условиях. При этом одни традиции получают так сказать «магистральное» развитие, другие же как бы отбрасываются на периферию быта, где они меняются медленнее.

Обратимся теперь к духовной культуре современного городского населения и рассмотрим общественные праздники. Отделяемые, хотя и несколько условно, от семейных праздников, они также образуют специфическую сферу народной жизни, особенности которой обусловлены самой природой общественных праздников, тесно связанных с идеологией¹¹. Идейная направленность, лежащая в основе праздников, составляет вместе с тем и движущую силу их развития. Становление культурно-бытовых форм в этой сфере, формирование и трансмиссия традиций, происходит здесь в основном в связи с достижениями общества на пути социального прогресса и перспективами его дальнейших свершений. Отсюда одна из характерных черт современных общественных праздников — распространение в них многих общесоветских обычаев, обрядов, ритуалов и церемоний, бытующих у разных народов страны и как бы лишенных этнической окраски.

С другой стороны, общественные праздники как часть духовной культуры народа тесно связаны с этническим сознанием и аккумулируют богатейший народный опыт праздничного общения и праздничной культуры в целом, полученный от предшествующих поколений и составляющий прочную традицию.

Кроме того, своеобразие этой сферы объясняется ее основной функцией — удовлетворением потребностей населения в периодическом отдыхе, отключении от однообразия будней, в различных видах свободного общения.

В результате влияния этих факторов развитие традиционности в общественных праздниках отличают большая динамичность основных процессов, быстрая сменяемость форм. Интенсивность трансформаций приводит к значительным, а иногда и коренным изменениям в этой области. В то же время устойчивость некоторых особенностей быта удерживает на его периферии старые, отжившие и даже раритетные формы. Наряду со стихийным приспособлением традиций к изменившейся обстановке большую роль на этом участке культуры играет профессиональное творчество, которое подчас стремится к прямому вмешательству в эволюцию национальной праздничной культуры.

Рассмотрение праздников с точки зрения содержания реализующихся в них традиций дает различные результаты. Диапазон вариативности в праздничной культуре необыкновенно широк в силу природы этой сферы, сочетания в ней стихийного и целенаправленного творчества, подвижности форм, способных к замещению и регенерированию.

В настоящей статье мы не сможем дать целостную систему праздничных явлений, поэтому остановимся прежде всего на тех, которые особенно характерны для данной сферы культуры. Так, современные общественные праздники характеризуются наличием в них большого числа новых культурно-бытовых форм. Несмотря на относительную «молодость» (сложение этих форм происходило в советский период), некоторые из них достигли такой стадии, что могут рассматриваться в качестве стереотипов. Это — большинство советских государственных праздников, среди которых связанные непосредственно с победой социалистической революции: годовщина Октябрьской революции, День международной солидарности трудящихся и более поздние, в том числе быстро упрочившийся День Победы. Нужно сказать, что праздничный комплекс¹² этих торжеств по сравнению с другими наиболее развернут; он содержит в

¹¹ Бромлей Ю. В. Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 10—11.

¹² О понятии «праздничный комплекс» см.: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // СЭ, 1979. № 6.

развитом виде торжественный, массово-развлекательный и домашний компоненты.

В группе производственных праздников, также возникших в советское время, в свою очередь некоторые торжества уже можно считать сложившимися на уровне модели. Это праздники, посвященные прославлению некоторых профессий (День шахтера, День металлурга, День текстильщика, День учителя, День судостроителя и т. д.); посвящение в рабочий класс, которое стало традиционным на различных промышленных предприятиях; чествование ветеранов труда, также осуществляемое повсеместно. Нужно сказать, что производственные праздники являются в основном принадлежностью общественного быта. Однако порой в той среде (это может быть город, или коллектив предприятия, или отдельные группы внутри него), где личное и общественное начала оказываются в большой мере связанными между собой, успевший войти в общественную жизнь трудовой праздник переходит и в домашнюю сферу с характерными для него гостеванием и застольем.

Среди современных сезонных праздников наиболее приближен к стереотипу, думается, такой праздник, как Проводы русской зимы. При всем разнообразии и вариативности деталей основные компоненты праздника, действующие персонажи, его идеологическая направленность достаточно устоялись. Праздник Проводов русской зимы хорошо знают, он стал традиционным, при этом его не путают со старой Масленицей, элементы которой присутствуют в Проводах русской зимы.

Неполные или фрагментарные воплощения некогда традиционной модели, праздничного стереотипа, представлены чрезвычайно широким кругом современных праздников. Как видно, высокая динамичность праздничных форм связана с природой духовных явлений, более свободных в своем «поведении» по сравнению со сферой материальной культуры¹³.

Фрагменты былых моделей, неодинаковые по своему объему, весьма различны как по характеру и роли в функционировании современной праздничной культуры, так и по «возрасту» — временной глубине функционирования первичного стереотипа. Наряду с новыми обычаями и обрядами, зачастую имеющими интернациональный характер (например, митинг, собрание, демонстрация в торжественной части государственных праздников), в отдельных компонентах праздничного комплекса различных торжеств обнаруживаются элементы или черты народной праздничной культуры прошлого. Стихийно либо намеренно включенные в новую систему праздников, они подвергаются дальнейшему (иногда непредвиденному) развитию. Например, обычаи гостевания и праздничного застолья, свойственные русскому праздничному быту, на определенном этапе оказались включенными в «домашнюю» часть советских государственных праздников. Можно сказать, что они перешли в новые торжества из старых календарных, давно сложившихся праздников, однако значительно изменились за счет новых форм развлечений и расширения круга общения.

Обрядовые и игровые элементы старых календарных праздников выступают в том или ином виде в различных современных торжествах. Обряды, связанные с елкой, нашли место, как известно, в праздновании Нового года; День международной солидарности трудящихся 1 Мая имеет генетическую связь с маевками, устраивавшимися по случаю встречи лета¹⁴. Особенно выразительны элементы календарной обрядности (хотя нередко они выступают в значительно трансформированном виде) в новых сезонных праздниках, специально сконструированных на традиционной основе. Так, на традиции старой народной Масленицы сделан акцент в празднике Проводов русской зимы. Отголоски троично-семиградской обрядности чувствуются в празднике Русской березки. В свою

¹³ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 316—317.

¹⁴ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 141—145.

очередь не без влияния аграрных праздников создавались и создаются такие новые торжества (они устраиваются не только в сельской местности, но и во многих районных центрах), как Праздник первой борозды, Праздник серпа и молота, Праздник урожая. Нужно отметить, что присутствие во всех этих праздниках элементов древней традиции не архаизирует их. В сочетании с иными, разнородными по своему характеру и функциям праздничными формами элементы архаической традиции помогают создавать обобщенно-национальный колорит, этнически маркируют новое празднество.

Принципиально иной характер имеют, на наш взгляд, старые календарные праздники, которые, хотя и ограниченно, еще бытуют среди части русского населения. Состояние праздничной традиции здесь сильно изменилось по сравнению с прежним стереотипом. Современные модели сильно редуцированы, в них отмечаются значительные функциональные изменения, причем иногда приходится говорить лишь о фрагментарном сохранении традиционных элементов. Однако в отличие от сконструированных новых сезонных праздников формы, в которых воплощаются такие праздники, как Пасха, или Масленица, или «остатки» Троицы, либо древние Ярилки, основаны на «натуральной», первичной традиции, находящейся, естественно, на определенном этапе своего существования.

Таким образом, уровень традиционности, как видно из приведенных примеров, в разных культурно-бытовых средах неодинаков. В поселенческо-жилищном комплексе, долговременном компоненте материальной культуры, шире, чем в других средах, наблюдается реализация относительно полной типовой модели в культурном явлении. В семейной сфере, напротив, не приходится говорить о сохранении распространенных в прошлом типов семьи: здесь имеют место фрагментарные воплощения бытовавшей прежде модели. Общественные праздники в свою очередь характеризует наличие прежде всего новых культурно-бытовых форм, отдельные из которых достигли такого состояния, что могут рассматриваться в качестве нового стереотипа.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что обращение к проблеме традиционности собственно и есть один из важнейших путей изучения механизма культурной преемственности и соответственно подход к изучению состояния и развития современной бытовой культуры народа. Такое обращение, как нам кажется, дает значительные и разнообразные возможности рассмотрения конкретного материала и его систематики.

Прежде всего представляется весьма важным предложенное здесь рассмотрение этнографических явлений с точки зрения содержания (или состояния) традиции, ее полноты и интенсивности, с одной стороны, и степени бытования, распространенности тех или иных ее воплощений — с другой. Выделенные таким способом группы явлений позволяют соотносить их с принятой в каждом отдельном случае за точку отсчета типовой моделью, стереотипом бытовой культуры.

Этнографическое изучение современности с подобной позиции при всей сложности, разнопорядковости, а порой и преобладании стандартизованных бытующих форм культуры дает возможность приблизиться к изучению этнической специфики городского варианта современной бытовой культуры русских. Как мы пытались показать в статье, традиционность на разных участках быта обнаруживается различно, что связано с высокой вариативностью традиций в современности. В зависимости от природы явлений и доминирующих факторов развития в разных сферах можно обнаружить определенные особенности в характере и функционировании традиционного стереотипа.

Представляется, что дифференцированное изучение бытовых традиций, их сопоставление со стереотипом и определение меры распространения тех или иных групп культурных явлений, окажется весьма целесообразным при дальнейшей разработке таких актуальных этнографи-

ческих проблем, как, например, культурная интеграция города и села, консолидационные культурно-бытовые процессы в современных условиях, роль этнических и межетнических (общесоветских, интернациональных) форм в складывании современного фонда бытовой культуры народа.

И. С. Кон

МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Вопрос о природе и характере родительских чувств и отношений вызывает сейчас острые споры. Консервативно настроенные писатели и публицисты считают единственным спасением от разводов, безотцовщины и прочих отрицательных явлений возврат к «естественным», «традиционным» формам семейного быта, рисующимся в розовом, идеализированном свете. Но сразу возникает несколько вопросов. Существует ли универсальная биологическая или культурно-нормативная модель родительского поведения, общая для всех времен и народов? Является ли родительство биологическим, социокультурным или биосоциальным феноменом, и как взаимосвязаны его разноуровневые компоненты и детерминанты? От чего зависит специфика отцовских и материнских функций? Каково место родителей в ряду других агентов социализации, и как оно изменяется в зависимости от социальных условий, хозяйственной деятельности, структуры семьи и т. п.?

Эта проблематика занимает важное место в науках о человеке, включая этнографию. Достаточно сослаться на материалы III Конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы (Цюрих, 9—12 апреля 1987 г.) или на отечественные исследования по этнографии семьи и детства. Однако чтобы поставить вопросы конкретно, необходимо уточнить предмет обсуждения. Имеем ли мы в виду безотчетные, спонтанные родительские *чувства* — любовь к детям, чадолюбие? Или более или менее осознанные родительские *ценности*, социальные установки, выражающие отношение родителей к детям? Или *социальные роли* отца и матери? Или культурные *символы* отцовства и материнства? Или, наконец, реальный *стиль взаимоотношений* родителей и детей в данном конкретном обществе? В историко-этнографической литературе эти вопросы обычно не разграничиваются, между тем они не только различны, но и предполагают разные системы отсчета.

Не менее важно уточнение социально-исторических рамок обсуждения предмета. В конкретных исследованиях речь идет, как правило, об отдельно взятом социуме в определенный период времени («токугавская Япония» или «Россия первой половины XVIII в.»). Но любое сравнение предполагает выход за эти рамки. «Современные» отношения воспринимаются и оцениваются в сопоставлении со старыми, «традиционными». Однако широко употребляемое в исторической социологии понятие «традиционное общество» многозначно. В одном случае имеется в виду доиндустриальное, сельское, неурбанизованное, докапиталистическое общество, «старый режим» Токвиля. В другом случае «традиционными формами» называют вообще все старое, историческое, привычное, укорененное в прошлом данного народа в противоположность современному, новому, возникшему недавно или привнесенному извне. В третьем случае имеется в виду собственно традиция как особый способ передачи социальной информации.

Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать какую-то содержательную модель истории или этнографии родительства. Я хочу только